

УДК 811.161.1

ЛИРИКА И.С. НИКИТИНА В РАКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОПОЭТИКИ (К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЭТА)

Д.А. Романов

*Доктор филологических наук, профессор,
руководитель Центра русского языка и региональных лингвистических исследований
e-mail: kafrus@rambler.ru*

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

Статья рассматривает стихотворения И.С. Никитина, не входящие в число его хрестоматийных произведений. В основе отбора исследуемого материала лежит попытка расширить представление о поэтическом мастерстве Никитина, его отношении с предшествующей отечественной литературной традицией, о вкладе в развитие лирической тематики, жанровой системы и метрики. Лингвопоэтический подход позволяет синтезировать содержательные, композиционные и языковые аспекты стихотворного текста и вывести представление о нем на вектор динамики литературного языка. Место творчества Никитина на этом векторе пока не определено в полной мере.

Среди представителей так называемой «некрасовской школы» Никитин выделяется как мировоззренчески, что отражается в содержании его произведений, так и лингвостилистически, что делает его стихи во многом несхожими с разночинской поэзией 1850-х – начала 1860-х гг. Заметное влияние на формирование Никитина как поэта оказали его купеческое происхождение, духовное образование, провинциальные реалии родного Воронежа и прекрасное знание отечественной литературной традиции.

Период литературного ученичества Никитина был краток. Уже в начале 1850-х гг. он сложился как самобытный поэт, крепко связанный с наследием своих предшественников и продолжающий многие линии развития русской лирики. Он оказал большое влияние на композиционное и лингвостилистическое оформление поэтического текста второй половины XIX в.

Ключевые слова: *поэтический текст, лингвопоэтика, литературная традиция, жанр, лексика, семантика, прецедентность, патетика, синтаксический параллелизм.*

Введение

За Никитиным прочно закрепился статус «народного поэта», что на протяжении всего советского периода развития отечественной филологии поддерживалось по разным направлениям. Во-первых, тематика и назначение творчества: о народе (крестьянстве, мещанстве, ремесленничестве и т.п.) и для народа. Во-вторых, художественная форма: народный язык с фольклорными вкраплениями, просторечие; песенный или сказовый жанр. В-третьих, содержание: социальный протест и борьба за освобождение народа. В-четвертых, биографический контекст: рано ушедший из жизни провинциальный поэт мелкого купеческого сословия с

трудной судьбой. В-пятых, оценка современников и потомков: представитель некрасовской школы, поэт демократического лагеря, творчество которого в политических целях было взято на вооружение большевиками, цитировался Лениным, включен в советские хрестоматии для народного чтения.

На самом деле масштаб личности и творчества Никитина во много раз больше, чем это предполагал его «стандартный» имидж. Все, что было сказано выше, одновременно правда и неправда, – точнее, полуправда. Разумеется, участь поэта не была легкой, однако его достаточно рано заметили, признали и хорошо издавали: граф Д.Н. Толстой стал покровителем Никитина, еще живя в столице; он издал первую книгу поэта (1856) и затем, став Воронежским губернатором, прислушивался к его проблемам; помогали поэту и другие меценаты, журналисты и издатели.

Понятие «некрасовская школа» – во многом изобретение критиков и литературоведов. Чернышевский и поддержавший его Тургенев хорошо чувствовали веяние времени – начала 1860-х гг., объединившего некоторых поэтов, почему и придумали это название. Конечно, в творчестве Д.Н. Минаева, А.В. Курочкина, В.И. Богданова и др. немало общего. Но никакой реальной группы они не создавали (как будет с поэтами начала XX в.) и какой-либо программы не выдвигали. Мало того, каждый из представителей некрасовской школы, как видно сейчас, более самобытен, чем схож с собратьями по перу. В значительной степени это касается и Никитина, многие стихи которого не вписываются в каноны некрасовского направления.

Никитину был чужд пафос социального протеста. Он не только не принадлежал к числу революционных демократов, но и осуждал любое насилие, всю жизнь оставаясь глубоко верующим и смиренным по душевному настрою человеком.

Тематика произведений Никитина достаточно разнообразна. Значительное место в его творчестве занимают стихи философской, христианской, патриотической, любовной и др. направленности. Поэт излагал свое понимание евангельских текстов, много задумывался о смысле человеческой жизни вообще, живо реагировал на происходящие политические события (в частности, на Крымскую войну). И в этом был абсолютно не скован какими-то идеологическими догмами или предписаниями, уставами, манифестами. Народная тема сильно волновала его, но не являлась единственной в творчестве поэта.

Наконец, в области художественной формы Никитин достиг подлинных вершин мастерства. Несмотря на достаточно невысокий уровень образования (он сумел закончить только духовное училище, оставив стены семинарии без аттестата), поэт был прекрасно начитан, хорошо знал отечественную и мировую литературную традицию, а потому использовал их богатый опыт. Он попробовал свои силы почти во всех

лирических и лиро-эпических жанрах, задействовал все метрические схемы из тонической и силлабо-тонической систем стихосложения. Поэт прекрасно знал язык своего родного мещанского и купеческого сословия, который активно задействовал в своих стихах. Кроме того, он прекрасно владел книжным регистром языка: церковнославянизмами, поэтизмами, лексикой публицистической и научной сфер середины XIX в., стилистическими фигурами и разнообразными синтаксическими приемами выразительности. Никитин проявил себя как талантливый прозаик и журналист.

Изученность проблемы, материалы и методы

Первые профессиональные мнения о стихотворениях Никитина высказали еще Н.А. Добролюбов и Н.Г. Чернышевский. Обоих критиков настораживали традиционные мотивы его лирики, в чем они видели прямую подражательность. Чернышевский в статье «Стихотворения Ивана Никитина» (1856), принципиально возражая издателю сочинений Никитина графу Д.Н. Толстому, даже отказал поэту в таланте, назвав его «версификатором».

Однако в конце века оценки изменились. Произошло это во многом благодаря стараниям душеприказчика и первого биографа Никитина – М.Ф. де Пуле, издавшего два собрания его стихотворений с пространными критико-биографическими очерками (1869 и 1896). К 70-летию со дня рождения Никитина И.А. Бунин в газете «Полтавские губернские ведомости» опубликовал о его творчестве прочувствованную статью. Бунин первым отметил, что и социальные, и пейзажные стихи поэта раздвигают «лирические горизонты» своего времени, фиксируя явления, мимо которых литература ранее проходила равнодушно, и делают это настолько мастерски и органично, что раз и навсегда западают в память читателя. Никитинская заря, по мнению Бунина, «наполняет все стихотворение своими росами, крепкой утренней свежестью, всеми запахами камышей, холодком дымящейся алой реки, горячим блеском солнца» [Бунин 1994: 99].

Начало XX в. ознаменовалось повышением интереса к поэту. К 1912–1913 г. было подготовлено и издано два полных собрания его сочинений. Над комментариями и предисловиями к ним работали крупный и оригинальный филолог того времени М.О. Гершензон и известный поэт-акмеист С.М. Городецкий. В 1915 г. вышло трехтомное собрание сочинений поэта с пространными примечаниями А.Г. Фомина.

В советское время выходили четырехтомное (1961) и двухтомное (1975) собрание сочинений Никитина с аналитическими очерками Г.А. Костина и Л.А. Плоткина. В большой серии библиотеки поэта полное собрание стихотворений Никитина выдержало 3 издания. Оно снабжено

пространным очерком Л.А. Плоткина, посвященным преимущественно жизни поэта, но отмечающим и главные черты его поэтики.

В настоящем исследовании рассматриваются тексты стихотворений Никитина, не относящиеся к числу хрестоматийных. Их отбор имеет целью расширить представление читателей о творчестве поэта и вывести его за пределы узких и стандартных оценок. Лирика Никитина будет рассматриваться с применением методик и подходов современной лингвистической стилистики.

Результаты

Творчество И.С. Никитина продолжает многие векторы отечественной литературной традиции. Произведения поэта (даже в самый ранний период его творчества) нельзя рассматривать как элементарное подражание известным предшественникам. Ученичество Никитина несет печать яркой творческой индивидуальности, отличается оригинальным личностным ракурсом художественного видения, имеет весьма специфическое языковое воплощение.

Самое значительное творческое влияние на поэзию Никитина оказал А.С. Пушкин. Чтение его стихов стало для юного поэта настоящей школой. Он усвоил пушкинские размеры, пушкинские жанры, пушкинские языковые обороты. Во многих текстах Никитина прослеживается пушкинская основа. Но только основа – не более. Развитие мысли, поиск формы, чувство и стилистика в них – никитинские.

Стихотворение «Вечер» по размеру и тематике напоминает ряд философских произведений Пушкина, в первую очередь «Когда для смертного умолкнет шумный день...» («Воспоминание»). Как и у великого предшественника, главной темой у Никитина становится успокоение мирского волнения, обретение душевного покоя и рассудительной созерцательности. На лоне природы (здесь представлена соответствующая тематическая группа лексики: *душистый луг, колышется трава, желтеет колос, гибкий тростник*) поэт ощущает долгожданный приход умиротворения и покоя:

И кажется мне, все какой-то дышит тайной,
И забываю я тогда свой день печальный,
С оставленным трудом без жалобы мирюсь,
Гляжу на небеса и в тишине молюсь. [Никитин 1965: 67].

Слово *тайна* Никитин употребляет здесь в переносном, поэтическом значении: «То, что еще не познано, не разгадано, не стало известным или еще не доступно познанию» [МАС: 4: 331].

Несомненное влияние на И.С. Никитина оказало и творчество М.Ю. Лермонтова. Лермонтовский трехстопный амфибрахий достаточно часто диктует поэту и лермонтовскую тематику. Безусловно, в этой традиции написаны стихотворения «Дуб», «Ключ», «Наскучив роскошью

блистательных забав...». Образы могучего дуба как символа свободы, пробивающегося через толщу земли холодного ключа в пустынном краю, переносятся Никитиным из лермонтовского астрала («Выхожу один я на дорогу...») и романтической экзотики («Три пальмы») в обычную жизнь простого человека. Но при этом они словно бы одухотворяют поэтической мощью традиции беспросветное провинциальное существование. Стихотворение «Наскучив роскошью блистательных забав...» – это своеобразное переложение лермонтовской «Думы» на обыденную жизнь начала 1850-х гг. Здесь очень много знакомых образов и определений, прецедентных в «лирической композиции» (термин Л.Я. Гинзбург) Лермонтова: *наше поколение, прекрасный плод, порока и добра познание, бремя борьбы* и т.д. Никитин осовременивает и лично индивидуализирует размышления своего творческого предшественника о никчемном и потерянном поколении, вводя в него детали своей жизни, фокус «обладателя активного сознания, действующего в уже сложившемся семиотическом пространстве» [Вдовиченко 2022: 30], сужая в стихотворении отвлеченно-романтическое начало и приближая его к реальности:

И в жалких хлопотах, заботах мелочных,
В тревоге жизни ежедневной
Он тратит попусту избыток чувств святых,
Минуты мысли вдохновенной. [Никитин 1965: 114].

В контексте других никитинских стихотворений становится очевидным, что *жалкие хлопоты* и *мелочные заботы* – это те унылые мещанские обязанности и проблемы мелкого торговца, которые всю жизнь так мешали Никитину и многим его талантливым современникам-провинциалам посвятить себя творчеству.

Большое место в творчестве Никитина занимает философская лирика. Об этом раньше не было принято говорить, поскольку в советское время за поэтом негласно был закреплен статус певца народного горя и считалось, что за пределы бытовых тем он не выходил. Между тем, осмысление мира в целом и места человека в этом мире, поиск тех духовных опор, которые позволяют людям вести осознанное духовное существование, проходят через все творчество поэта, начиная с конца 1840-х гг. и кончая годом его смерти – 1861-ым. Сам Никитин с особым трепетом относился к этим своим стихам и называл их «листочками из дневника» [Кораблинов 1974: 142].

Своим прозаическим «Дневником семинариста» (1860) Никитин предвосхитил «Очерки бурсы» Н.Г. Помяловского, которые появятся спустя три года. В «Дневнике семинариста» много и саркастических, и горестных страниц, но в оценке веры и отношения русского человека к ней Никитин не так категоричен, как Помяловский. Неслучайно в

стихотворении «Монастырь» звучат такие уважительные строки о его обитателях:

Их сердце отжило для мира,
Ум с суетою незнаком,
Как будто светлый ангел мира
Их осенил своим крестом... [Никитин 1965: 50].

Обратим внимание на поэтизм *осенил*, который вводит читателя в одухотворенный и абсолютно совершенный мир, которого в иных сферах земной жизни (кроме церковно-христианской) поэт не видел. Лексикографически *осенить*: «Перен. Нисходить на кого-, что-либо, охватывать собой, своим действием (обычно в возвышенной речи)» [БАС: 14: 170].

Поэт ощущал божественную сущность мироздания. Несмотря на полученное ортодоксальное религиозное образование, в некоторых стихах он, по сути, воплощал натурфилософскую идею пантеизма. Его пейзажные стихи показывают, что Бог растворен в окружающем мире, разлит во всем. Примечателен финал стихотворения «Вечер ясен и тих...»:

Может быть, в этот час
Сонмы светлых духов
Гимны неба поют
Богу дивных миров. [Никитин 1965: 86].

Здесь также большую роль играет церковнославянский по происхождению поэтизм *сонм* – «неопределенно большое количество, множество; скопление кого-, чего-либо (обычно употребляется в приподнятой, книжной речи)» [БАС: 27: 27].

Сам Никитин был глубоко верующим человеком и во все трагические минуты своей непростой жизни искал утешение в вере, в молитве, в смирении. Поэту было чуждо разночинское стремление к борьбе, и слова *возмущение, протест, гнев* не встречаются в его стихах и не прочитываются в подтексте. Ему больше импонировали *милосердие* и *сочувствие*. А слово *страдание* в его поэтических текстах, как правило, сопрягается с лексемами *молитва, надежда, слезы*. Обращаясь к Создателю, поэт говорит:

Мне сладко под твоей грозою
Терпеть и плакать и страдать;
Молю: оставь одну со мною
Твою святую благодать. («Молитва»)

[Никитин 1965: 85].

В стихотворении «Кладбище» поэт использует выразительную вопросно-ответную композицию. Синтаксический параллелизм вопросов в начале текста сменяется аналогичным параллелизмом ответов на них. Обращаясь к умершим, поэт вопрошает:

Как ваше вечное молчанье
Нам безошибочно понять:
Ничтожества ль оно печать,
Или печать существованья?
В какой загадочной стране,
Невидимой и неизвестной,
Здесь кости положив одне,
Витает дух ваш бестелесный?
Чем занят он в миру ином?
Что он, бесстрастный, созерцает? [Никитин 1965: 89].

Ответы на эти вопросы И.С. Никитин дает в духе народного христианства, которое было ему свойственно не столько по образованию, сколько естественно – по «сюжету» его короткой и малорадостной жизни. Стихотворение завершается в тональности смирения и веры в вечность души:

Я верен истине святой –
Святым глаголам откровений
О нашей жизни неземной.
И сладко мне в часы страданья
Припоминать порой в тиши
Загробное существованье
Неумирающей души. [Никитин 1965: 90].

Как известно, бессмертие души – главный христианский идеал, сохраняющий свою ценность многие столетия. Даже современные толковые словари отмечают сочетание *бессмертная душа* как типичное, регулярно воспроизводимое: «Бессмертный. Вечно живущий, существующий; не подверженный смерти, уничтожению. *Бессмертная душа. Бессмертный дух*» [БТС 2003: 75]. Вполне вероятно, что поэт, обращаясь к православному идеалу, пытался «преодолеть роковые противоречия земного бытия» [Лебедев 1990: 86].

Стихотворением-истолкованием канонического христианского первоисточника является «Моление о чаше», дающее авторскую трактовку и образное восприятие 36-й главы Евангелия от Матфея. Это обширное стихотворение представляет собой художественное расширение евангельского текста, его авторское прочтение, приближающееся по жанру к христианской балладе. В этом отношении для Никитина несомненным примером были А.К. Толстой и А.Н. Майков. Сама тематика обуславливает высокий стиль текста, обилие патетических восклицательных предложений. Вот пример кульминационной части стихотворения, отличающейся названной синтаксической особенностью:

О, да минует чаша эта,
Мой отче, сына Твоего!
Мне горько видеть злобу света
За искупление его!
Но не моя да будет воля,
Да будет так, как хочешь Ты!
Тобой назначенная доля
Есть дело вечной правоты. [Никитин 1965: 118].

Размышляя о смерти и бессмертии Никитин «поэтизирует величие и красоту христианского самопожертвования» [Лебедев 1990: 86].

Конечно, поэт был сторонником некрасовской концепции служения истине посредством творчества. Слово *истина* регулярно употребляется в его стихах; нередко даже в особенно пафосном звучании, как в стихотворении «Медленно движется время...»: «Слава, кто истине служит, / Истине жертвуя всем!» [Никитин 1965: 262] (следует обратить внимание не только на характер восклицания, но и на эмоциональный повтор ключевого слова). В этом же тексте Никитин говорит о необходимости постоянного труда на избранной человеком ниве. Данная излюбленная разночинцами философская мысль оформлена в стихотворении как рефрен и повторяется четырежды (по количеству строф): «Мертвые в мире почили, / Дело настало живым» [Никитин 1965: 261]. Однако Никитину всегда были близки христианские истины, которые соединялись в его мировоззрении с исканиями поэта-разночинца. В рассматриваемом тексте звучит и такая идея, высказанная в евангельской форме: «Веруй, надейся и жди...» [Никитин 1965: 263].

Достаточно рано поэт начал предчувствовать свой скорый уход, им даже в самые молодые годы часто овладевали душевная усталость, апатия, пессимизм; он не верил, что успеет раскрыть свой талант полностью. Роковая неизбежность скорого конца тяготела над поэтом. В разных произведениях Никитин по-разному воспринимает эту неизбежность. В стихотворении «Взгляни: небесный свод безоблачен над нами...» это эмоциональная подавленность, внешне ничем не объяснимая тоска. Поэт говорит: «...нет отрады только мне, / Тогда как плачу я от горьких дум невольно» [Никитин 1965: 209]. Слово *тоска* стало одной из показательных лингвопоэтических черт всего творчества Никитина. В одном из его последних стихотворений «Порывы» (1861) корень этой лексемы воспроизводится не раз в нескольких модификациях: то в глагольном оформлении («Мне *тошно* ждать успеха...» [Никитин 1965: 334]), то в виде синонима («И все с *досадой* я бросаю...» [Никитин 1965: 334]).

Никитина можно считать одним из создателей нового типа балладного текста – реалистической баллады. В подобных произведениях есть все классические атрибуты жанра: сюжетность, напряженность развития действия, таинственность, патетика, быстрая и неожиданная развязка и др. Но при этом тексты Никитина включают точные жизненные наблюдения, множество деталей окружающей действительности, внимание к которым характерно только реалистическим жанрам. Кроме того, героями баллад Никитина становятся простые люди, род занятий которых вроде бы не располагает к тому, чтобы делать их героями подобных произведений. И тем не менее Никитину это удастся. Хорошо знакомый с жизнью крестьян, купцов, мещан, торговцев и т.д., он умел увидеть в их, казалось бы, сугубо прозаическом существовании такие же катаклизмы и смятения чувств, какие романтики видели только в жизни людей необычных. В качестве примера можно привести «Ночлег извозчиков», где страсти кипят вокруг оплаты постоя торговцев в гостинице. И хотя все заканчивается благополучно, напряженность развития действия заставляет читателя постоянно ожидать преступления, на которое может решиться как одна, так и другая сторона конфликта. Украшают балладу тонкие жизненные наблюдения автора, – в частности, вставная история про загулы купеческого сынка, рассказанная одним из извозчиков-торговцев.

Другими примерами реалистической баллады могут служить «Рассказ ямщика» – о несчастной судьбе потерявшего жену барина и «Неудачная присуха», посвященная безответной любви деревенского парня к местной красавице. Сюжет последнего произведения начинается с того, что влюбленный юноша приходит к деревенскому кудеснику с просьбой присушить к нему красотку. Как и в романтической балладе позднего периода, в стихотворении Никитина сквозит явная ирония, а колдовство и напряженное ожидание читателей завершаются, по сути, ничем. Парень возвращается к привычному для него сельскому труду, в котором забывает свою кручину. Неожиданность и явная ироничная окраска финала придают тексту живость и оригинальность. Кроме того, в череде довольно пессимистических стихотворений Никитина о крестьянстве «Неудачная присуха» выделяется как настроением, так и своеобразием формы. Нечасто в произведениях крестьянской тематики у поэта можно встретить строки, подобные тем, которые читаем в финале этой реалистической баллады:

Бог помочь, детина!
Давно б так пора!..
Долой ты, кручина,
Долой со двора! [Никитин 1965: 175].

Речь героев в балладах Никитина не только социально детерминирована, индивидуализирована, но и ситуативна (обусловлена

конкретными обстоятельствами), а также психологически типизирована (отражает узнаваемые возрастные, гендерные, профессиональные и др. особенности персонажа). Обозначенные черты характеризуют поэта как зрелого мастера создания художественного текста. Исследователями отмечаются, например, особенности речи женщин в сюжетных стихах Никитина: это всегда «образная речь, близкая к устно-песенному творчеству, обладающая характерной для народных сказов плавностью, музыкальностью...» [Тонков 1968: 56].

В мире реалистической баллады обыденные вещи приобретают иное назначение. Как в сказках Г.Х. Андерсена, в стихотворениях И.С. Никитина могут поэтизироваться бытовые предметы, которые словно бы оживают. Вот так изображен в стихотворении «Воспоминание о детстве» самовар:

А самовар, как верный друг,
Их споры слушал молчаливо
И пар струистый выпускал
Иль вдруг на их рассказ бессвязный
Какой-то музыкой старинной,
Как собеседник, отвечал... [Никитин 1965: 66].

Многие стихи Никитина созданы в нехарактерном для современной ему разночинской поэзии жанре идиллии, что свидетельствует о независимости творческого пути поэта от сиюминутной моды. Безусловно, здесь для Никитина учителями являлись А.С. Пушкин и В.А. Жуковский. Однако многие черты – преимущественно сюжетного и образно-детализированного бытового характера – он привнес в этот жанр вполне самостоятельно. Идиллии Никитина вовсе не пасторальные, они лишены прекрасноты и отражают умиротворение, желание отдыха и покоя после действительных тяжелых трудов и жизненных борений. Таковы стихотворения «Когда закат прощальными лучами...», «Когда один, в минуты размышленья...» и др.

Никитин – признанный мастер поэтического пейзажа. Его стихотворение «Утро» («Звезды меркнут и гаснут...») еще в дореволюционное время стало обязательным атрибутом всех хрестоматий по родной литературе и чтению как образец гармонии кристально чистых содержания и формы. Действительно, в мастерстве простыми средствами передать все детали окружающего мира у Никитина мало равных. Его сугубо пейзажная лирика сродни сдержанным, но глубоко эмоциональным природным зарисовкам художников-передвижников («Затеплились звезды одна за другой...», «19 октября», «Музыка леса»). Но всё же чаще пейзаж является у поэта не самоценным, а представляет собой композиционное вкрапление в стихи философские, мировоззренческие, духовные, а также и социальные. Например, в стихотворениях «Еще один потухший день...»,

«Перемена», «Бегут часы, недели и года...» пейзаж, как у Тютчева, акцентирует, заостряет философскую мысль о бытии, времени, человеке:

Когда, дитя беспечное свободы,
В знакомых мне явлениях природы
Величие и мысль я находил,
Я жизнь мою, как дар небес, любил.
Теперь не то... [Никитин 1965: 57].

(«Перемена»)

В сюжетных стихотворениях Никитина пейзажные вкрапления чаще всего исполняют роль смысловой параллели к происходящим событиям. Нужно отметить, что гармония пейзажа и жизни либо их противоречие (антитеза) – один из частых приемов в текстах поэтов-разночинцев и поэтов некрасовской школы. Суть этого приема обычно иллюстрируют примерами из Н.А. Некрасова. Параллелизм, построенный на эмоциональном тождестве, отмечается в знаменитой «Несжатой полосе», а антитеза – в «Железной дороге». В стихотворении Никитина «Грусть старика» два пейзажных вкрапления противоположны по своему чувственному настрою, но оба выступают параллелью к жизни человека. Годам молодости, силы, буйству желаний и стремлений соответствует такая пейзажная вставка:

Как невеста, земля убиралась,
Что камыш, хлеб стоял золотой,
Степь зеленым ковром расстилалась,
Лес приветно под тень свою звал,
Ветер весело пел в чистом поле,
По ночам ярко месяц сиял. [Никитин 1965: 53].

С немощной старостью, с утратой сил, желаний, с угнетенным состоянием и пониманием отсутствия будущего в стихотворении связывается такой пейзаж:

Лес, нахмурясь, как слабый старик,
Погруженный в тяжелую думу,
Головою кудрявой поник,
Будто тужит о чем-то угрюмо,
Ветер с тучею, с синей волной
Речь сердитую часто заводит;
Бледный месяц над сонной рекой,
Одинокий, задумчиво бродит... [Никитин 1965: 54].

Многие пейзажные образы приобретают у Никитина символическое звучание. Так, быстро отцветающая черемуха показана поэтом как символ рано завершающегося женского счастья, которое возможно только в

девичество и «не воротится, как к черемухе весна» [Никитин 1965: 204] (стихотворение «Черемуха»).

Противопоставление гармоничного пейзажа уродливым явлениям человеческой жизни представлено, например, в стихотворении «Утро на берегу озера». Начало этого текста стало хрестоматийным: оно часто тиражируется и воплощает образец чистой пейзажной лирики:

Ясно утро. Тихо веет
Теплый ветерок;
Луг, как бархат, зеленеет,
В зареве восток. [Никитин 1965: 141].

Однако вторая часть стихотворения, которая печатается чрезвычайно редко, по содержанию и настроению противопоставлена пейзажу. В ней Никитин изобразил девочку-подкидыша, которую приемный отец-рыбак считает обузой в своей семье и постоянно попрекает куском хлеба. Таким образом, стихотворение, начинающееся светлой пейзажной зарисовкой, заканчивается трагической картиной реальности бедной крестьянской жизни:

А девчонка провожала
Грустным взглядом их,
И слеза у ней дрожала
В глазках голубых. [Никитин 1965: 143].

Никитину не была чужда гражданская тематика. В середине 1850-х гг. он создал цикл героико-патриотических стихотворений. Ярким образцом подобного текста может служить лиро-эпическое послание «Донцам», в котором перечисляются важнейшие сражения, где отличились донские казаки, начиная с походов Ивана Грозного, упоминаются известные предводители донского казачества (атаман Платов и др.) и высказывается надежда на скорую победу христианского оружия. Следует отметить, что Крымскую войну Никитин воспринимает в том числе и как войну за православную веру. Отсюда в его стихах военной тематики противопоставленные символические образы православного и исламского мира.

Патриотические стихи Никитина, как и патриотические стихи Пушкина, трудно заподозрить в неискренности или льстивом верноподданничестве. Пушкинские слова из стихотворения «Друзьям» «Нет, я не льстец, когда царю / Хвалу свободную слагаю» [Пушкин 1983:63] были, безусловно, хорошо знакомы Никитину и могут в полной мере относиться и к его стихам на военную тему. Христианский патриотизм Никитина обусловлен не только его духовным воспитанием и образованием, но и мировоззренческой позицией, которую разделяли отдельные интеллигентские круги его времени: «Жизненность творчества

Никитина, его реальность состоит в соединении простонародного с лучшими интеллигентными социально-нравственными умонастроениями» [Черешнева 2012: 9].

Обсуждение результатов

Мастерство Никитина в создании поэтической драматургии (диалоговой композиции стихотворения) роднит его с Некрасовым: вспомним, например, некрасовский цикл «В деревне», где представлены разговоры крестьян на деревенской улочке. Эта черта придает лирике Никитина характер многоголосья, в первую очередь, конечно, народного многоголосья, которое затем Некрасов сделает организующим композиционным началом поэтической эпопеи «Кому на Руси жить хорошо...». Можно отметить прямые сюжетные переключки Никитина и Некрасова: никитинская «Уличная встреча» (1855), в которой баба несет под мышкой гробик для умершего сына-младенца, – предшественница некрасовского стихотворения «Гробок» (1862) из цикла «На улице». Только Некрасов выстраивает свой цикл как «живые картины» городской жизни, где солдат с гробиком – одна из таких картин, а Никитин основывает стихотворение на диалоге двух встретившихся женщин в обрамлении небольшого авторского комментария.

Часто Никитина называют первооткрывателем жанра народной песни в литературе второй половины XIX в. и в этом отношении предшественником И.З. Сурикова, П.Ф. Якубовича, С.Д. Дрожжина ([Лаврецкий 1964: 207], [Тонков 1968: 111], [Лебедев 1990: 87] и др.). Это утверждение абсолютно справедливо. Как известно, народная песня предполагает достаточно большое количество тематических и метрических разновидностей: от сугубо лирических (эмоционально-чувственных), созданных силлабо-тоническими размерами, до эпических (сказаний), оформленных преимущественно тоникой. Многие из этих разновидностей отмечаются и в творчестве Никитина. Например, «Песня» («Ковыль, моя травушка...») – типичный лирический монолог сельского парня, «Измена» представляет собой вариант народной песни о несчастной доле, а «Старый мельник» – вариант песни-сказания о человеческой жизни. Большинство никитинских песен написано кольцовским пятисложником, но, как уже сказано, встречаются и тонические (например, «Уж не я ли тебя, милая, упрасивал...») – своеобразный народный жестокий романс о разлуке возлюбленных – метрически представляет собой тонический пятиударный тринадцатисложник). При этом Никитин не останавливался на каком-либо стихотворном размере, на каком-либо жанре или типе передачи речи персонажей. Он предпочитал разнообразие и творческую свободу: «Язык персонажей Никитина, как поэта-реалиста, верен их среде. Это язык крестьянина или мелкого городского люда. В то же время Никитин чужд

натурализму. Он всегда стремился писать для широких слоев народа и блестяще осуществил эту задачу» [Лаврецкий 1964: 206].

Не чужды Никитину эксперименты в области стихотворной формы. Он, помимо песенного пятисложника, использовал также другие безрифменные размеры – например, четырехстопный ямб, удвоенный в одной строке для ее стилизации под тонику («Подула непогодушка с родной моей сторонушки...»), или собственно тонический одиннадцатисложник, разложенный на две строки («Как уж был молодец...»). Пользовался Никитин и различными классическими размерами. Так, стихотворения «Подле реки одиноко стою я под тенью ракиты...», «Вечер после дождя», «Буря» и баллада «Лесник и его внук» созданы в форме гекзаметра. В нем, безусловно, образцами для Никитина были А.С. Пушкин и поэты «Золотого века», которые периодически задеиствовали античную метрику. Но гекзаметры Никитина отражают новую для русской литературы тематику, окрашены новыми чувствами, воплощаются в современных поэту языковых формах.

Заключение

Творчество И.С. Никитина в настоящее время изучено далеко не полностью. Оно нуждается в освобождении от привнесенной революционной идеологии, которая не была свойственна поэту. Вместе с тем необходимо сделать предметом разностороннего филологического исследования малознакомые читателям и ученым стороны никитинской поэзии: ее христианские мотивы, философскую направленность, интерпретацию классических образцов (в том числе версификационную), языковые новации, своеобразную стилистическую систему лексики и т.д. Действительно, «И.С. Никитин являл собой тип творческой, вдохновенно-поэтической личности; его мировоззрение, этические и эстетические взгляды при всем своем индивидуальном своеобразии соответствовали традициям русской классической литературы XIX века. <...> В творчестве Никитина нашло отражение сочетание новаторского и традиционного, стремление к самостоятельности и высокой художественной культуре» [Черешнева 2012: 24].

Недооценен вклад поэзии Никитина в развитие русского литературного языка. В этом аспекте продуктивно рассматривать не только так называемую «народную языковую струю», влившуюся в художественное творчество поэтов и прозаиков второй половины позапрошлого века, но и совершенствование выразительных возможностей русского языка в целом. Неслучайна высокая оценка творчества Никитина Л.Н. Толстым, хорошо чувствующим и воплотившим в собственных произведениях узловые тенденции развития отечественного языка переходной эпохи: от пушкинской классики к модернизму XX века.

Библиографический список

БАС – Большой академический словарь русского языка. Т. 1–27. М., СПб.: Наука, 2004–2022.

Бунин И.А. Памяти сильного человека // Бунин И.А. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 7. М.: Сантакс, 1994. С. 95–101.

БТС – Большой толковый словарь русского языка. Главный редактор С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2003. 1535 с.

Вдовиченко А.В. Коммуникативная референция: к знаку и обратно // Язык. Человек. Культура. Сборник научных трудов. М.: Институт языкознания РАН, 2022. С. 22–31.

Кораблинов В.А. Жизнь Никитина. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1974. 480 с.

Лаврецкий А.М. Иван Саввич Никитин // История русской литературы. В 3 т. Т. 3. М.: Наука, 1964. С. 203–207.

Лебедев Ю.В. Никитин // Русские писатели. Библиографический словарь. В 2 т. Т. 2. М.: Просвещение, 1990. С. 85–88.

МАС – Словарь русского языка. Главный редактор А.П. Евгеньева. В 4 т. М.: Русский язык, 1999.

Никитин И.С. Полное собрание стихотворений. Библиотека поэта. Большая серия. М., Л.: Советский писатель, 1965. 608 с.

Пушкин А.С. Лирика. М.: Правда, 1983. 560 с.

Тонков В.А. И.С. Никитин. Очерк жизни и творчества. М.: Просвещение, 1968. 130 с.

Черешнева Г.П. Поэзия И.С. Никитина в литературном процессе 1840-х – начала 1860-х годов: автореф. дисс. ... кандидата филол. наук. М., 2012. 28 с.

References

- BAS* – Bol'shoj akademicheskij slovar` russkogo yazy`ka. T. 1–27. M., SPb.: Nauka, 2004–2022.
Bunin I.A. Pamyati sil'nogo cheloveka // Bunin I.A. Sobraenie sochinenij. V 8 t. T. 7. M.: Santaks, 1994. S. 95–101.
BTS – Bol'shoj tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka. Glavny`j redaktor S.A. Kuznecov. SPb.: Norint, 2003. 1535 s.
Vdovichenko A.V. Kommunikativnaya referenciya: k znaku i obratno // Yazy`k. Chelovek. Kul'tura. Sbornik nauchny`x trudov. M.: Institut yazy`koznaniya RAN, 2022. S. 22–31.
Korablinov V.A. Zhizn` Nikitina. Voronezh: Central'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1974. 480 s.
Lavreczkij A.M. Ivan Savvich Nikitin // Istoriya russkoj literatury`. V 3 t. T. 3. M.: Nauka, 1964. S. 203–207.
Lebedev Yu.V. Nikitin // Russkie pisateli. Biobibliograficheskij slovar`. V 2 t. T. 2. M.: Prosveshhenie, 1990. S. 85–88.
MAS – Slovar` russkogo yazy`ka. Glavny`j redaktor A.P. Evgen`eva. V 4 t. M.: Russkij yazy`k, 1999.
Nikitin I.S. Polnoe sobranie stixotvorenij. Biblioteka poe`ta. Bol'shaya seriya. M., L.: Sovetskij pisatel`, 1965. 608 s.
Pushkin A.S. Lirika. M.: Pravda, 1983. 560 s.
Tonkov V.A. I.S. Nikitin. Ocherk zhizni i tvorchestva. M.: Prosveshhenie, 1968. 130 s.
Chereshneva G.P. Poe`ziya I.S. Nikitina v literaturnom processe 1840-x – nachala 1860-x godov. Avtoref. diss. ... kandidata filologich. nauk. M., 2012. 28 s.